

Юн Шань покачал головой, держась за край постели, медленно лёг обратно на подушку и с лёгким смешком произнёс:

— Кто бы мог подумать, что я просплю так долго. Который сейчас час? Ужин, должно быть, уже готов? — спросил он у евнуха.

Чан Дэфу слегка удивился внезапному приливу бодрости у Юн Шаня, однако никак не показал этого и лишь льстиво ответил:

— Спешу доложить Вашему Высочеству, что сейчас как раз девять часов вечера, ужин готов и стоит на плите. Прикажете накрывать на стол?

— Девять часов! Ты что, хочешь, чтобы мы умерли с голоду? Немедленно подать ужин, — отчитал евнуха Юн Шань, сверкнув глазами, а затем перевёл взгляд на Юн Ци: — Первый день твоего пребывания здесь, а ты уже изнываешь от голода. Неужели ты не мог меня разбудить? Тебе совсем не страшно вконец обессилеть с таким хрупким телом? Я более чем уверен, что твой желудок уже давно сморщился до размеров изюмины, — шутливо читал нотации Юн Шань, пребывая в каком-то особенно игривом настроении, а затем протянул руку и погладил Юн Ци по животу, касаясь талии.

Такой реакции Юн Ци никак не ожидал. Увидев руку Юн Шаня, тянущуюся к его животу, в голове юноши промелькнула была мысль о том, что нужно увернуться, но рука младшего брата уже достигла своей цели. Юн Ци страшно боялся щекотки, и самые чувствительные места приходились на бока чуть ниже талии, куда как раз скользнули пальцы Юн Шаня. Юн Ци просто не мог удержаться от смеха, однако, вспомнив, перед кем он находится, юноша попытался тут же скрыть улыбку. Получилось это не так хорошо, как он планировал, потому юноша казался донельзя смущённым.

Юн Шань, в свою очередь, обрадовался подобной реакции:

— Интересно. Оказывается, ты боишься прикосновений даже через одежду. А я думал, что только без одежды... — Фраза так и оборвалась на середине. Юн Шань понял, что лучше не болтать лишнего, и замолк.

Всё так же не произнося ни слова, он внимательно посмотрел на Юн Ци.

Краска сошла с его лица, оно стало бледным словно бумага. И хоть он не сделал ни шага назад, ясно ощущалось, что между двумя юношами будто выросла стена. И от этой стены веяло ледяным холодом.

Заметив, как пристально его изучает Юн Шань, Юн Ци отвернулся, не желая смотреть брату в глаза.

На миг ему показалось, будто лёд между ними растаял, будто никакой стены и не было вовсе, но одной неполной фразы было достаточно, чтобы расстаться с этими мыслями. Пропасть между ними никуда не делась, а атмосфера сделалась лишь более жуткой.

Юн Шань лишь тихо и печально вздохнул, убиваясь своим собственным грехом. Он чувствовал себя отвратительно, в очередной раз прокручивая в голове воспоминания о том, что происходило во Дворце Наказаний. От столь тёмных событий, что он хотел похоронить в своей душе, его разум будто помутился. Юн Шань прекрасно осознавал, что время не повернуть вспять и ничего уже не исправить. Он мог бы потрудиться переступить через себя, и, скрепя сердце, попробовать объясниться с братом, но это не имело смысла. Что сделано, то сделано. Он сам всё испортил. На мгновение на лице Юн Шаня заиграла грустная улыбка, но она быстро померкла, и выражение лица юноши вновь сделалось холодным и строгим. Юн Шань мысленно отложил свои душевные метания в долгий ящик, ища взглядом Чан Дэфу:

— Чан Дэфу, ты чем вообще занимаешься? Почему ужин всё ещё не подан?

Исходя из тона принца, Чан Дэфу, прислуживающий Юн Шаню уже много лет, сразу понял, что тот снова не в духе. В глубине души евнух сетовал на столь резкие перемены в настроении нынешнего принца, и, конечно, он винил во всём Юн Ци. Однако Чан Дэфу недоумевал, что же такого натворил этот несчастный бывший наследник престола, чтобы полностью лишить обычно всегда спокойного Юн Шаня его душевного равновесия. Более того, теперь, благодаря этому юнцу, почти над всеми членами королевской семьи нависли крупные неприятности. Но у евнуха не было времени сетовать на свою судьбу, ведь заставлять ждать наследного принца — значит, лишь ещё больше его разозлить. Потому Чан Дэфу тут же подошел к постели принца, и как можно более радушно сообщил:

— Что Вы, Ваше Высочество! Всё уже готово, и ужин ожидает Вас на столе возле витражного окна. Ваше Высочество может наслаждаться трапезой, любуясь цветами сливы[1], растущей в саду.

Юн Шань невозмутимо произнёс:

— У кого есть свободное время, чтобы любоваться цветами сливы[2]? Те, кто может себе позволить наслаждаться ветром, цветами, снегом и луной, люди без амбиций и особых притязаний. Вы считаете, я являюсь таким человеком? — Юноша закончил свою речь риторическим вопросом. Однако Юн Шань уже начал жалеть о сказанном, так как он вспомнил, что Юн Ци когда-то очень нравилось любоваться дикой сливой. Юн Шань почувствовал себя не в своей тарелке, и потому, сорвав злость на Чан Дэфу, всё же согласился отправиться к накрытому столу вместе с Юн Ци. Чан Дэфу, в свою очередь, специально приказал подать ужин к витражному окну, чтобы слегка потешить своё самолюбие и подразнить бывшего наследника престола.

Осмелившись намекнуть своему господину, что его слуга испытывает обиду, Чан Дэфу, прислуживая Юн Шаню и Юн Ци, шутливо спросил:

— Так... может быть стоит подать ужин в Вашу комнату?

— Не стоит, — Юн Шань медленно покачал головой, призадумавшись, а после с улыбкой заметил: — Если снова перенесём ужин, то, боюсь, поесть нам сегодня не удастся. Да и ты сам потом будешь меня укорять за непостоянство.

Чан Дэфу более не осмелился вымолвить ни слова.

Махнув рукой, Юн Шань устало произнёс:

— Хватит пустой болтовни, пора ужинать.

Тут же подошли несколько придворных слуг и, осторожно подняв Юн Шаня, перенесли к месту ужина. Юн Ци даже не шелохнулся. Чан Дэфу, увидев, что юноша, по всей видимости, не собирается следовать за принцем, тихо подошёл к нему. Встав рядом с Юн Ци, он с грустной улыбкой произнёс:

— Ваше Высочество Юн Ци, проявите милосердие и сжальтесь над нами, несчастными слугами. Не заставляйте наследного принца гневаться снова. В первую очередь это вредно для него самого, Вы ведь понимаете, в каком он состоянии... К тому же совершенно неизвестно, сколько ещё людей могут пострадать от его гнева. Поэтому я очень Вас прошу, от лица всех слуг, не сердите наследного принца. — Чан Дэфу всё время крепко держал Юн Ци за руку, пока говорил. Он буквально тащил его за собой к столу. Когда они подошли к краю стола, евнух усадил юношу прямо напротив Юн Шаня.

Свежие блюда на столе источали поистине соблазнительный аромат. Юн Шань оценивающе оглядел приготовленную для них еду, и, как он и просил, стол буквально ломился от любимых яств Юн Ци. Мысленно похвалив Чан Дэфу за точное исполнение его приказов, Юн Шань перевёл взгляд с блюд на каменное лицо сидевшего напротив Юн Ци.

— Почему ты не ешь? — спросил юноша, нахмутив брови. — Неужели ты всё же надумал капризничать?

Тревожные звоночки раздались трелью в голове Юн Ци, как только он услышал недовольный голос Юн Шаня. На строгом лице младшего брата проступила едва заметная тень раздражения. В панике юноша схватил палочки, ловко подхватив стоявшие под рукой грибы, собранные этой зимой, и начал с трудом их пережёвывать. Последнее, чего хотелось Юн Ци, так это вновь вывести Юн Шаня из себя, особенно после просьбы Чан Дэфу. Находясь под пристальным вниманием наследного принца, юноша ощущал себя, как на минном поле: одно неверное движение — и взрыва не миновать. От волнения аппетит совсем пропал, потому глотать пищу приходилось через силу. Юн Ци всё-таки смог проглотить этот несчастный гриб, однако его вкуса он так и не ощутил.

Юн Шань был крайне проницательным, потому ему было несложно понять, в чём дело.

Наследный принц молча отвел взгляд и, издав еле слышный вздох, тоже приступил к трапезе. Но юноше тоже кусок в горло не лез — он с досадой думал, что аппетит к Юн Ци вернётся только в том случае, если Юн Шань наконец не будет мозолить ему глаза и уйдёт в свои покои.

От этих мыслей Юн Шань невольно пал духом, однако он всё ещё беспокоился о старшем брате, переживая, что тот совсем истощён из-за пребывания во Дворце Наказаний. Если ему не вернуть прежний рацион питания, то старая болезнь Юн Ци, которая не была вылечена до конца, может обостриться.

Юн Шань медленно ел, предавшись размышлениям. Аппетит у него тоже пропал. Съев ещё парочку овощей, юноша резко выпустил из пальцев палочки и, нахмутив брови, сказал:

— У меня нет аппетита, я закончил трапезу. — Сказав это, Юн Шань приказал свите помочь ему подняться на ноги. Затем он указал на опустившиеся палочки напротив сидящего Юн Ци и предупредил: — Я не хочу есть, однако здесь все твои любимые блюда, поэтому съешь всё до крошки. Чан Дэфу?

— Здесь, Ваше Высочество.

— Проследи, чтобы он меня не ослушался.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

— И пока он не будет сыт, не позволяй ему выпускать из рук палочки.

— Слушаюсь, Ваше Высочество, — отозвался Чан Дэфу, тихо спросив в лёгком недоумении: — Ваше Высочество, а как Ваш слуга должен понять, сыт ли Его Высочество Юн Ци или нет?

— Дубина! Просто прикинь на глаз, неужели не ясно? — отчитал евнуха Юн Шань и, переведя взгляд чёрных, как смоль, глаз, поглядел на Юн Ци.

Заметив пристальный взгляд Юн Шаня, у Юн Ци не было другого выхода, кроме как вновь взять палочки. Это порадовало Юн Шаня, и он отправился в свои покои. Подозвав их к себе, Юн Шань сказал:

— От того, что я целыми днями нахожусь в постели, я становлюсь очень ленивым, и чем больше я лежу, тем ленивее становлюсь. Хочу сменить обстановку: помогите мне дойти до стула, я хочу немного посидеть. — Как только Юн Шань опустился на стул, в животе юноши внезапно раздалось урчание, и на секунду повисла тишина. Это не осталось незамеченным для парочки слуг, что помогали Юн Шаню в этот момент. Все трое обомлели от неожиданности.

Двое слуг с огромным трудом сдерживали смех.

Юн Шань засмеялся и отдал приказ:

— Приготовьте мне миску варёного риса с рёбрышками и горячий бульон[3]. Я буду ужинать здесь.

Двое слуг быстро вышли за дверь, откуда сначала донеслось шипение, а затем и тихий смех.

Оставшись ждать слуг во внутренних покоях, Юн Шань подумал о Юн Ци, который, оставшись наедине, быстро разделался с ужином. Пока ужин Юн Шаня ещё готовился, к юноше подошёл евнух и доложил:

— Его Высочество Юн Шэн просит аудиенции.

Похоже, сегодня поужинать Юн Шаню будет нелегко. Злость вновь охватила душу юноши.

Юн Шань впился взглядом в кровлю дворца и через некоторое время, обратившись к евнуху, сказал:

— Скажи ему, я ещё даже не ужинал, и моя нога страшно болит. Спроси у него, что случилось, и если ничего существенного у него не стряслось, то скажи прийти завтра.

Придворный евнух удалился, но вскоре вновь вернулся и доложил:

— Его Высочество Юн Шэн сказал, что у него срочное дело. Он просит Ваше Высочество наследного принца уделить ему немного времени. Вы можете ужинать и одновременно слушать его.

— У него могут быть срочные дела? — ни у кого не спрашивая, сказал Юн Шань. — Разве он не по делу Юн Ци сюда явился? Он хочет снова забрать Юн Ци, только он всё ещё не достоин своего положения! — Юн Шань растянул губы в холодной усмешке, обнажив белоснежные зубы. Но вскоре усмешка исчезла, и юноша вновь заговорил: — Пусть войдёт, я посмотрю, с какими требованиями он явился сюда, и как он будет вызывать моё расположение к себе.

Евнух удалился, чтобы пригласить Юн Шэна войти.

В последнее время Юн Шэн переживал полосу удач. Перед отцом-императором Юн Шэн старался показать себя и получил достаточно много почести с его стороны. В награду отец-император наделил его некоторыми полномочиями, и даже сделал его надзирателем во Дворце Наказаний. Глядя на Юн Шэна, было заметно, что радость воодушевляет любого человека.

Появившись перед Юн Шанем, Юн Шэн со смехом заговорил:

— Младший брат очень рад видеть, что Вашему Высочеству уже лучше. Собственно говоря, я знаю, Ваше Высочество болен и Вас лучше не тревожить, однако есть одно дело. И прошу Ваше Высочество помочь мне, так как я, как младший брат, не смогу взять на себя инициативу и действовать так, как мне заблагорассудится.

— Проходи, присаживайся, и давай вернёмся к вопросу ещё раз, — попросил Юн Шань его присесть и тепло посмотрел на него. — Я знаю, какие дела тебе передал отец-император. Также я знаю, что, имея собственное мнение, ты знаешь, как поступить и что делать. Поэтому не обязательно приходить ко мне по тому или иному делу и просить помочь тебе. Так что у тебя? Ты по какому-то делу хочешь получить совет?

— Именно. — Усевшись на стул, Юн Шэн поклонился и тут же выпрямился. — Отец-император назначил меня надзирателем во Дворце Наказаний, которым раньше управлял наследник престола.

— Так.

— Я проверил список преступников, похоже, одного не хватает.

— М? — уголки рта Юн Шаня слегка дрогнули в незаметной улыбке. — Во Дворце Наказаний внезапно исчез один преступник? Почему ты тотчас же не доложил об этом отцу-императору? Во всяком случае, необходимо арестовать всех слуг и чиновников, которые служат во Дворце Наказаний, и допросить по всей строгости закона. Ты говорил с Чжан Чэнем?

— Говорил. — Похоже, Юн Шэн уже побеспокоился о таких мелочах и сейчас с его лица не исчезала улыбка: — Если бы человек действительно сбежал, то младший брат непременно бы доложил об этом отцу-императору. А так там, кажется, одного не хватает. Из-за одного тревожить отца-императора я не стал. Поговорив с Чжан Чэнем, я сразу понял, что нужно обратиться к Вашему Высочеству, так как только с Вашего разрешения могут освободить заключённого.

— Ясно. — Мягко похлопал Юн Шань по столу и, притворяясь, что его внезапно осенила мысль, сказал: — Ты сейчас говорил о Юн Ци. — Договорив, юноша убрал улыбку с лица и низким голосом ответил: — Это я отдал приказ отпустить Юн Ци. Я лично изучил его дело и выяснил, что его несправедливо осудили, поэтому выпустил его из Дворца Наказаний. Ты думаешь, что я совершил ошибку?

— Нет-нет, — сказал Юн Шэн. — Дело вели лично Вы, Ваше Высочество, поэтому там не может быть неясностей.

Юн Шань заметил, что на этот раз Юн Шэн говорил чётко и ясно, без высокомерия и заискивания. Но, тем не менее, это смахивало на то, что принц уже держал в голове все мельчайшие детали дела. У него был какой-то план, но было понятно, что Юн Шэн в чём-то сомневался. Сейчас Юн Шэн вёл себя, как настоящий помощник Его Высочества, убрал все манеры принца.

Что же ты задумал?

Немного задумавшись и смутно поняв, Юн Шань едва заметно вздрогнул.

Плохо дело!

В этот самый момент Юн Шэн смело заговорил:

— Наследник престола, когда управлял Дворцом Наказаний, вёл дело Юн Ци и закрыл его после расследования. И естественно никто не осмелился отказать Его Высочеству в удовлетворении его требований. Но помимо этого, имелось одно тайное обстоятельство дела по отношению к Юн Ци, которое, боюсь, было скрыто Вашим Высочеством. Когда Юн Ци был заперт во Дворце Наказаний, он тайно отправил кому-то письмо. Ваше Высочество, Вы управляли Дворцом Наказаний, Вы знали о правилах отправки писем заключёнными.

Юн Шань неожиданно прищурил глаза и, понимая, что его догадки верны, с преспокойным видом сказал:

— Я прекрасно знаю правила Дворца Наказаний.

— Верно, — медленно сказал Юн Шэн, но затем снова продолжил: — Во Дворце Наказаний преступнику, не зависимо от того виновен, он или не виновен, запрещено передавать послания кому бы то ни было. Это делается для того, чтобы предотвратить какое-либо общение и создание заговоров. А если письмо передано другу или же во дворец наложнице императора, которая ждёт заслуженного наказания, то, в таком случае, последствия могут быть крайне серьёзными. Правители древних эпох установили правила: войти в сговор с преступником — значит, стать таким же преступником.

— Боюсь, тут всё зависит от обстоятельств, — с лёгкой улыбкой приостановил Юн Шань его. — Необходимо смотреть, какие отношения между заключённым и наложницей императора, что ждёт заслуженного наказания. Если они приходятся друг другу матерью и сыном, и, возможно, из-за тоски по близкому человеку, заключённый загорелся желанием и написал письмо, в котором всякая ерунда, то в таком случае незачем приплетать это к серьёзным преступлениям.

— Откуда наследник престола узнал, что Юн Ци написал наложнице Ли? Вы же вообще не видели это письмо, верно, Ваше Высочество?

Откуда Юн Шаню знать, что это не ловушка? Один лишь кивок, и виноватым будет сам наследник престола, и тогда уже завтра он может стать вторым Юн Ци.

— Нечего мне этим делом голову забивать, — холодно пресёк Юн Шань. — По-моему, ты лучше меня осведомлён. В прошлый раз не ты ли уведомил меня, передав письмо Юн Ци? На мой взгляд, это не такое уж большое дело, и ты с ним справишься. Ты выказал мне своё участие и,

разумеется, я ценю его.

Примечания:

[1]Слива мэйхуа 梅 — зимний цветок, который входит в число «четырёх благородных» растений Китая. Её цветение приходится на конец зимы-начало весны. За свое раннее цветение в суровых условиях слива мэйхуа снискала всеобщую любовь жителей Азии.

[2]В оригинале звучит так: 風花雪月 (пиньинь [fēng huā xuě yuè]) ветер, цветы, снег и луна — романтические объекты часто используются в литературе. Изначально имелась в виду природная красота четырех времен года: у весны есть цветы, у осени - луна, у лета - свежий ветер, у зимы - снег. Также эта фраза указывает на пустые, цветистые и красочные стихи, также имеется в виду любовь и развратный образ жизни. Однако это выражение может звучать, как комплимент, но и также может иметь и негативный смысл, всё зависит от контекста.

[3]В оригинале же: 米粉 (пиньинь [mǐfěn])— рёбрышки с рисовой мукой.

<http://bllate.org/book/13372/1189554>